

ет, что булки не растут на деревьях, но не понимает, что и учёные тоже не рождаются сразу готовыми.

VI.7.3. Миф — побочный результат или самоцель?

Но ведь рыцарские ценности по-прежнему привлекательны (Кардини 1987: 360)? Да, но они не могут быть массовыми, а потому не могут и становиться основой политики. Демократия, помимо прочего, означает **приватизацию ценностной сферы**: человек следует свободно выбранным ценностям, не спрашивая, узаконены они каким-нибудь особым актом или нет.

Означает ли это атомизацию общества, «конец всякой определённости»? Заботу о том, «чтобы ничто не обрело образ»? Нет, это означает лишь конец *принудительной* определённости. В любом случае человечество будет делиться на какие-то меньшие подразделения. Уже сегодняшние семь миллиардов человек не могут поместиться разом в один концертный зал, одну вузовскую аудиторию или одну супружескую постель. И человек, выбирающий себе ценности лично, без подсказок, не может жить один (если не считать явных психопатов). Он будет искать себе подобных. Но эти новые группы — консорции и конвинксии, если воспользоваться термином Л. Н. Гумилёва, — будут основываться на *добровольном* выборе, а не на теоретических выкладках, которые кто-то произвёл за нас, нас не спросив. И тогда принудительные попытки организовать общество по априорной схеме перестанут препятствовать общественной *самоорганизации*, которую, в частности, и изучает синергетика. «Свободные ассоциации» по П. А. Кропоткину — весьма близкий аналог нарисованной картины.

XXI век нуждается в новых объединительных мифах. Но миф — по самой своей сути — выполняет эту задачу только через разъединение: «наши» определяют себя только по контрасту с «не нашими». С общечеловеческим мифом дело не лучше, чем с общеевропейским. Казалось бы, что может быть гуманнее Шестоднева? В Талмуде специально ставится вопрос: почему Бог решил произвести всех людей от одной пары, когда мог бы создать для каждого народа особых предков? И ответ: чтобы никто не говорил, будто его предок лучше прочих. Но даже этот миф, предложенный в качестве общечеловеческого, не объединил бы народы, а рассорил бы. Ведь в него верят только христиане, мусульмане и иудеи — в общей сложности что-то около трети человечества. Что делать с религиозными убеждениями остальных двух третей?

Итак, можно заключить, что мифы нового времени не имеют права быть ни этническими, ни государственными. Они вообще не должны быть предназначены для заранее намеченной группы «избранных по праву рождения». Их сотрудничество с властью, если оно вообще неизбежно, может быть только сугубо добровольным и не должно доходить до превращения групповых ценностей в официальную идеологию. Двадцатый век уже показал, что иначе может случиться.

Кроме того, сама история создания «мифов XX века» позволяет сделать вывод: миф должен быть *только побочным результатом поиска истины*. Основной целью творчества он быть не должен, даже если его создатель (как в случае Гумилёва) считает свою конструкцию не мифом, а научной теорией или, например, популяризацией науки. Конечно, учёный живёт не в башне из слоновой кости, и ему не безразлично, что творится в его стране. И «чистая наука» — такая же иллюзия,

как и все прочие. Но только тот, кто гонится за *этой* иллюзией, может создать нечто действительно ценное, что не мелькнёт однодневкой на горизонте политической или художественной конъюнктуры. Деньги, слава, власть — это пустышки, вроде толкиеновского Кольца Всевластия: как придут (если вообще придут), так и уйдут, а в конце ещё и предадут. И если учёный (пусть даже искренне) думает, что знания нужны ему не ради самих знаний, а для того, чтобы вести свой народ к каким-то намеченным горизонтам, — пусть такой учёный сначала наведается в старинный город Нюрнберг, зайдёт в здание суда и проверит: мягко ли сидеть на этой скамье?